

Призыв к немцам

Пер. В.Бакусева

Ницше, Фридрих.

Полное собрание сочинений: В 13 томах / Ин-т философии.– М.: Культурная революция, 2005 – Т. 1/2: Несвоевременные размышления. Из наследия 1872–1873 гг. / Пер. с нем. В. Бакусева, В. Нежежиной, И. Эбаноидзе и др.; общ. ред. И.А. Эбаноидзе. – 2013. – 480 с. – С.449-454

Мы хотим, чтобы нас расслышали, ибо обращаемся с предостережением, а голос предостерегающего, кем бы тот ни был и где бы ни находился, всегда имеет на это право; но зато и вы, те, кому адресовано предостережение, имеете право решать, надо ли счесть предостерегающих мужами честными и проницательными, которые взяли слово только потому, что вы в опасности, и которые страшатся найти вас глухими, безучастными и успокоенными. Сами же мы можем сказать о себе одно: что говорим мы от чистого сердца, стремясь при этом достичь своих целей лишь в той мере, в какой эти цели и ваши, – а именно общего блага и чести для немецкого духа и немецкой славы.

Вы осведомлены о том, какое торжество отмечалось в мае прошлого года в *Байрейте*: там должен был быть заложен исполинский краеугольный камень, под которым, как мы думали, будут навсегда похоронены многие наши опасения и благодаря которому обретут наконец уверенную будущность благороднейшие наши чаяния, – или, скорее, как нам приходится сказать сегодня, мы мнили, что они ее обретут. Ибо, увы, как много было в этом иллюзий! Те опасения живы и по сей день; и хотя мы отнюдь не разучились надеяться, наши нынешние крик о помощи и предостережение означают, что мы скорее боимся, чем надеемся. А страх наш – это страх за вас: вы вовсе не желаете знать о том, что происходит, а может быть, именно по неведению не даете кое-чему произойти. Правда, такая неосведомленность уже давно считается неуместной; да и кажется почти невыносимым, что подобные люди есть и теперь: ведь на протяжении последних десятилетий *Рихард Вагнер*, этот великий, отважный, негибачый и неуправляемый борец, под пристальными взорами чуть ли не всех народов отстаивает те мысли, которым он придал окончательную и высшую форму и поистине победоносное совершенство в своем бай-

рейтском творении. Если вы и теперь станете мешать ему хотя бы только протянуть вам сокровище, которое он намерен поднести вам в дар, то чего же, по-вашему, вы добьетесь этим для себя? Именно в этом вновь и все снова приходится упрекать вас публично и настойчиво, дабы вы знали, чему настала пора, и дабы теперь вы уже не могли по своему усмотрению разыгрывать неведение. Ведь отныне иноземцы будут свидетелями и судьями представлений, которые вы дадите, и эти иноземцы станут для вас зеркалом, где вы предстанете приблизительно такими, какими некогда изобразят вас справедливые потомки.

Но положим, вам удастся своим неведением, недоверием, замалчиванием, издевками, очернением превратить здание на холме Байрейта в ненужные развалины; положим, вы в своем непреклонном недоброжелательстве даже не допустите, чтобы сбылось это совершенное творение, чтобы оно воздействовало и защищало себя само, – вам и тогда придется страшиться суда потомков так же, как и стыдиться взоров иноземных современников. Если француз, или англичанин, или итальянец наперекор театрам представит на суд всех публичных институтов и мнений пять произведений, написанных в стиле своеобразного величия и силы и всюду, от севера до юга, неизменно встречающих жадное внимание и восторг, – если такой человек воскликнет: «Существующие театры не отвечают духу нации, они – позор публичного искусства! Помогите мне приготовить жилище для духа нации!», то разве не бросились бы ему на помощь все, пускай только из самоуважения? А на самом деле тут вам понадобилось бы не только самоуважение, не только слепой страх перед плохой репутацией; тут вы могли бы сопереживать, стать соучениками и посвященными, тут вы могли бы от всей души участвовать в общей радости, решившись участвовать в помощи. Вы щедро рукой даете всем вашим наукам дорогостоящие экспериментальные мастерские – так неужели вы захотите, опустив руки, стоять в стороне, когда речь идет о том, чтобы построить подобную мастерскую для дерзающего и экспериментирующего духа немецкого искусства? Можете ли вы указать какой-нибудь момент в истории нашего искусства, когда на повестку дня ставились более важные задачи и предоставлялся более бла-

гоприятный случай получить обогащающий опыт, нежели теперь, когда идея, названная Рихардом Вагнером «произведением искусства будущего», должна воплотиться и стать зримой в настоящем? Что за движение мыслей, действий, надежд и способностей тут зачинается, если на глазах у посвященного представителя немецкого народа прямо из земли, в ритме, повинующемся только его творцу, встает гигантское нибелунговское четырехглавое здание, что это за движение в самую широкую, самую обильную плодами и надеждами даль – да разве хватит у кого-нибудь смелости хотя бы только представить себе ее! И, разумеется, не от зачинателя этого движения будет зависеть, если волна скоро спадет и останется только ровная гладь, будто ничего и не было. Ибо если первая наша забота – чтобы это творение вообще воплотилось в жизнь, то вторая наша забота внушает нам не менее тяжкое сомнение в том, что мы можем оказаться недостаточно зрелыми, подготовленными и восприимчивыми, дабы обеспечить его первое же, неизбежно мощнейшее воздействие вглубь и вдаль.

Нам кажется, мы заметили, что всюду, где Рихард Вагнер встречал или обычно встречает неприятие, за этим кроется великая и плодотворная проблема нашей культуры; но если отсюда неизменно извлекались только поводы к надменным придиркам и издевкам и очень редко – к раздумьям, то это порой внушает нам заставляющее краснеть подозрение, не исчерпал ли тут знаменитый «народ мыслителей» свою способность мыслить до конца и не променял ли он мышление на чванство. С какою ложной убежденностью приходилось бороться, только чтобы не допустить смешивания байрейтского события мая 1872 года с основанием нового театра, а, с другой стороны, разъяснить, почему смыслу этого начинания не соответствует ни один из существующих театров, – каких усилий стоит открыть добровольно или недобровольно ослепшим глаза на то, что, говоря «Байрейт», надо иметь в виду не просто кучку людей, скажем, партию с особыми музыкальными пристрастиями, а всю нацию, мало того, на то, что призыв всерьез и деятельно участвовать в деле обращен даже за пределы немецкой нации, ко всем тем, кому дорого облагораживание и очищение драматического искусства, кто понял чудесное предчувст-

вие Шиллера, предвидевшего, что, возможно, некогда опера разовьется в облагороженную трагедию. Кто все-таки еще не разучился мыслить, пусть даже опять-таки только из самоуважения, тот должен ощущать и поощрять как *нравственно* знаменательный феномен художественное начинание, в зависимости от этого-то и движимое готовой на жертвы и бескорыстной волей всех к нему причастных и освященное их искренне высказанным признанием, что искусство для них полно высокого достоинства, а от немецкой музыки и ее преобразующего воздействия на народную драму они ждут мощнейшей стимуляции оригинальной, характерно немецкой жизни. Но представим себе нечто даже еще более высокое и общее: немцы окажутся в глазах других народов достойными уважения и несущими исцеление лишь тогда, когда покажут, что внушают ужас, но *благодаря напряжению своих наивысших и наиболее благородных культурных и художественных сил хотя и заставит забыть, что некогда внушали ужас.*

Мы сочли своим долгом напомнить об этой нашей немецкой задаче в настоящий момент – именно теперь, когда нам приходится обратиться с призывом всеми силами подержать великое художественное деяние немецкого гения. Мы надеемся услышать радостный и исполненный сочувствия отклик отовсюду, где только в наше возбужденное время сохранились очаги серьезного раздумья; мы надеемся, что не напрасно призываем оказать требуемую помощь в особенности немецкие университеты, академии и художественные школы – в одиночку или же сообща: равным образом и немецкие публичные политические деятели из рейхстагов и ландтагов должны получить важный повод для раздумий о том, что немецкий народ ныне более чем когда-либо нуждается в очищении и освящении через высокое волшебство и ужас, навеваемые подлинным немецким искусством, если мы не хотим, чтобы наши потомки, вспомнив о чудовищном возбуждении политических и национальных страстей, о запечатленных на физиономии нашей жизни чертах, выражающих погоню за счастьем и наслаждением, были вынуждены признаться себе, что мы, немцы, начали себя терять, едва себя обрета.

Комментарии

Призыв к немцам

В рукописи озаглавлено: «Крик о помощи и призыв к объединенным немцам».

Написано 22 октября 1873 г. по заказу Р. Вагнера (точнее, попечителей Вагнеровского общества). В конце текста рукою Н. добавлено слово «Подписи». Этот заказ Н. явно не нравился. 18 октября того же года он писал Эрвину Роде,

что «смысл прокламации <т.е. заказа на нее>... сводится к тому, чтобы всякий, от мала до велика (...) выкладывал денежки за музыку». Написав «Призыв», Н. сразу поспешил в типографию, 25-го октября получил пробные оттиски и тут же отослал их Вагнеру. 29-го октября он сам поехал в Байреит на собрание делегатов Вагнеровского общества. 31-го октября его проект обсуждался на пленуме Общества, но был отклонен – несмотря на одобрение Вагнера и Козимы. (В конце 1879 г. Козима писала Н., что они с мужем перечитывали «Призыв», причем его «чересчур фукидидовское начало Рихарду не понравилось, но мое восхищение целым он полностью разделяет».) Подобный заказ со стороны Общества вагнерианок, поступивший к нему в феврале 1874 г., Н. отклонил.

четырёхглавое здание – т.е. «Кольцо Нибелунга», состоящее из четырех частей.

предчувствие Шиллера – см. письмо Шиллера к Гёте от 29 декабря 1797 г.